

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Р. Гусева

ТЕЧЕТ ДЖАМНА

(ОЧЕРК НАРОДНОГО ИНДУИЗМА)

Древняя и чрезвычайно разветвленная религия индуизм, и сейчас играющая большую роль в жизни и быту каждого индуса, давно заслуживает самого тщательного исследования. Однако ни у нас в стране, ни на Западе индуизм еще не только не изучен во всех своих проявлениях, но даже просто не описан во всем своем многообразии.

Мне довелось провести в Индии два года (с 1962 по 1964 г.) и неоднократно наблюдать молитвенные церемонии и жертвоприношения. В данной статье делается попытка обрисовать хотя бы в самых общих чертах некоторые моменты религиозной обрядовой практики индуизма в среде так называемых средних и низких слоев городского населения страны. Я не касаюсь в столь небольшой статье всех остальных сторон этой религии, во многом противоречивой, частично уже изживающей себя, но все же до наших дней оказывающей значительное влияние на жизнь индийского общества в целом, влияние особенно отрицательное в силу того, что кастовый строй опирается на правовые институты индуизма.

* * *

На берегу древней Джамны, которая несет свои воды мимо Дели в течение тысячелетий, как и на берегу каждой индийской реки, можно наблюдать совсем особую жизнь, жизнь молитв и религиозных церемоний. Эта жизнь мало менялась в течение тысячелетий. Сюда люди приходили молиться своим богам, когда Дели, по преданию, носил гордое и прекрасное название Индрапрастхи — столицы великих и непобедимых героев древности, героев эпической поэмы «Махабхараты», пяти братьев Пандавов. Здесь стояли храмы во времена кровавых битв со многими и многими захватчиками, врывавшимися в Индию с севера и запада и стремившимися захватить Дели — крепость страны, город, многократно воскресавший из праха, центр сильнейших империй, ключ к овладению всей территорией Индии.

Сюда, на берег священной реки, из года в год, из столетия в столетие в дни праздников стекались паломники, чтобы совершить омовение, принести жертву утреннему солнцу и душам предков.

Много раз сменялись правители на делийском троне, но жизнь простого народа оставалась прежней. Он продолжал упорно цепляться за веру своих предков, видя в ней единственную поддержку, единственное

прибежище. Он тоже жил своей жизнью безымянных героев, созидателей, великомучеников и фанатиков, он сражался в армиях всех императоров, погибал в стихийных и бесплодных восстаниях, возводил дивные города и страстно умолял богов о помощи во всех случаях, когда не мог помочь никто на земле, а из таких случаев складывалось почти все его существование.

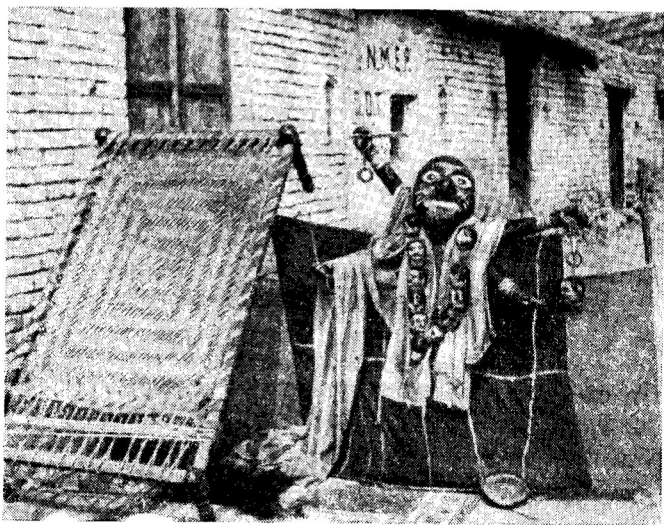

Рис. 1. Богиня Кали (это и остальные фото сделаны автором в 1964 г.)

Вера предков была незыблема, особенно вера в богинь-покровительниц. Она передавалась из поколения в поколение без изменений. Те, кто сменил ее, приняв другое вероисповедание, вообще ушли из ее лона и во многом забыли ее заветы, но те, кто сохранил ее, хранили, ревностно веря, что «мать» спасет от любой беды (слово «мать» прибавлялось к имени каждой богини, и таких богинь-матерей у индийцев столько, сколько деревень на индийской земле).

Богини рек, прудов и колодцев, богини дорог и перекрестков, богини болезней и страхов, богини угрожающие и благие, милостивые и карающие царили в душах людей и в храмах, требуя безоговорочной веры и почитания, готовности приходить в ужас и приносить жертвы.

Древнейшие эти культы живы и сейчас. Простой народ стекается к храмам богинь, жаждая, веря, умоляя и надеясь...

Я как-то приехала в храм богини Кали на берегу Джамны. Цветные флажки на высоких шестах развеваются у ворот этого храма, выходящих на людное шоссе. По одну сторону ворот проносятся тысячи современных автомобилей, по другую — стоит простой глинобитный дом под соломенной крышей — храм Кали. Перед ним во дворе крытый алтарь-часовенка с изображением богини, а вокруг этого алтаря с четырех сторон взрылленная земля — место, где приносят кровавые жертвы — режут козлят и петухов. В самом храме тоже изображение богини — черная многорукая статуя в ожерелье из черепов и с высунутым позолоченным языком — масса мелких статуэток у ее ног и яркоцветных литографий по стенам, изображающих других богов индуизма.

Чисто внешнее использование элементов современной цивилизации — электрических ламп, озаряющих белые глаза Кали на черном лице, или целлофана, укрывающего литографии от пыли, — не оказывает никакого явного влияния на молитвенное состояние прихожан. Я смотрела, как

они садятся на земляной пол перед жрецом — длинноволосым плотным мужчиной лет пятидесяти, и с непоколебимой верой исполняют все, что он велит. Подходят к нему поочередно, пьют воду, которую он наливает им в ладони, излагают в двух — трех скупых горьких фразах суть своей беды, и словно истинное озарение, словно божественную панацею от всех скорбей, принимают слова его короткой молитвы. Этот жрец считается великим святым, говорят, ему уже сто пятьдесят лет и он якобы ничего никогда не ест. Один из молящихся сказал мне, что нет того горя, от которого не смог бы избавить этот святой, что к нему приходят не только жители Дели, но и люди из других городов, и что лет десять назад он еще вкушал земную пищу, но только то, что откусывала от лепешки или плода змея, которую он всегда носил вокруг своей шеи.

Почти каждая религия требует от своих приверженцев, чтобы ее принимали всю целиком. А те, кто не хотел или не мог принимать ее всю, становились сектантами, учили воспринимать «отсюда и досюда». Их преследовали, сжигали на кострах (или они сами себя сжигали) и боролись с их неправдами всячески. Каждая религия требовала особого к себе отношения, особого расположения духа. А если не было этого отношения и расположения, то полагалось сделать вид, что оно есть. Почти каждая религия приучает верующих к лицемерию, и поэтому против каждой религии искренние люди поднимали бунт, призывали к чему-то, более соответствующему их внутренней прямоте и правде. И рождались новые вероучения, которые снова надо было или принимать целиком, или фальшивить. Троны религий постоянно раскачивались, и, прежде всего, их расшатывало требование принятия всей религии, всего вероучения в целом.

Не таков индуизм, этот самый сложный религиозно-философско-социальный комплекс. Индуизм — не система, а набор систем, не философия, а ряд философий, даже не вероучение, а механическое соединение самых разных вероучений, не догма, а обилие догм. Каждый человек может почерпнуть в нем для себя то, что соответствует укладу его жизни, его внутренней сущности, его целям и запросам. Если вы склонны к точному исполнению религиозных обрядов, их предписано и описано в индуизме такое множество, что вы можете выбрать для исполнения любые. Если вы не склонны к этому, вы найдете в индуизме же предписанный путь жизни без всяких обрядов, путь созерцания и размышления. Людям, по натуре своей склонным к экзальтации и иступленным проявлениям фанатизма, индуизм может предложить целый ряд культовых отправлений, невозможных без фанатического экстаза, а тем, кто склонен видеть в богах членов своей семьи или мало замечаемую принадлежность повседневной жизни, он говорит: «боги — это вы, они присутствуют в каждом проявлении вашей жизни, не уделяйте им специального внимания».

Индуизм никогда и ни от кого не требовал, чтобы его принимали целиком и безоговорочно. Любой культ — это индуизм. Отрицание одних богов во имя других — это индуизм. И даже отрицание всех богов во имя абстрактной идеи божества — это тоже индуизм. В древних религиозных гимнах проросли первые семена научной мысли и получили свое развитие в комментариях к этим религиозным гимнам. В религиозных же гимнах отразилось и зарождение атеизма. И все это вошло в понятие индуизма.

Религиозно-сектантские вероучения, отвергавшие те или иные догмы индуизма, тоже с течением времени вошли в состав индуизма. Он многогранен, многочленен, лишен единой формы, не может быть уложен в единую систему, и в этом залог его неистребимости в течение такого огромного исторического периода.

Бывала я много раз на пуджах — церемониях почитания божества — и в храмах, и в домах, и в молельнях, и просто на улицах. И всегда меня

поражала та особенная атмосфера непринужденности в обращении со святынями, которая характерна для индуизма.

Шла как-то Вишну-пуджа. Вишну в эпоху средневековья был знаменем антикастового движения бхакти. Это демократическое божество. На

Рис. 2. Отшельники-садху на берегу Джамны

его пуджу обычно приглашают и слуг, и всех соседей. Мы все сидели — кто на стульях, а кто на полу — вокруг алтаря. Алтарем служила низкая скамеечка, к ножкам которой были привязаны банановые побеги, на ней стояла медная чаша с маленьким светильником, рисом, и чем-то еще, лежали кокосовый орех и цветы. На полу возле скамейки стояли крохотные сосудики с цветными порошками, с ароматными жидкостями, прасадом — сладкой ритуальной едой. Перед ней на еще более низкой скамееч-

ке сидел брахман, главный пуджари. Священный шнур был переброшен через его левое плечо. Лицо у него было светское — он улыбался, живо смотрел вокруг, разговаривал с присутствующими о совсем посторонних вещах.

За его спиной на полу сидел молодой брахман — его ученик, младший жрец, перебирая листки санскритских молитв — мантр. Он их читал почти так, как в русских церквях читают молитвы или евангелие. Тот же речитатив, те же распевы на концах абзацев, те же интонации. Это заставляло снова и снова думать о давней арья-славянской этногенетической близости (или общности?) и о том, что, конечно же, не только греческие молитвенные распевы пришли в русско-христианские богослужения, а и дохристианская мелодика языческих треб, принесенная, возможно, древними арьями и сюда, в Индию.

В разгар молитвы пуджари вдруг обратился ко мне и спросил на хорошем английском языке.

— Вы были в Агре? Я из Агры.

Мы поговорили об Агре, и в разговоре приняли участие почти все присутствующие, а младший жрец продолжал в это время читать мантры.

Отношение к богам самое домашнее. Все естественно, просто, как в своей семье, без высретенных чувств и слов. В любую минуту можно прервать молитву, в любую минуту начать снова — боги не осудят. Кто хочет — разговаривает, кто хочет — улыбнется или засмеется, а потом опять молится, никто не посмотрит с укором.

А однажды, зная, что я занимаюсь изучением индуизма, для меня устроили пуджу в храме Шивы. У символа божества — каменного фаллоса, именуемого шивалингам, сидел пуджари, молился. Прерывая молитву, он деловито объяснял, что я должна делать — вот сейчас посыпать на изображение бога красный порошок, а сейчас — лепестки цветов, а затем — трилистную траву «билва», посвященную Шиве. Опять молился. Из сосуда, висевшего над шивалингамом, тонкой струйкой тихо лилась вода и, омывая его, стекала по желобку. Время от времени кто-нибудь из присутствующих собирал ее в ладонь, плескал на губы, смачивал лоб, волосы. Все вдруг начинали болтать о чем-то постороннем, смеяться, и пуджари, отрываясь от молитв, тоже втягивался в разговор, смеялся, шутил, потом опять молился, как ни в чем ни бывало. Затем меня попросили обратиться к присутствующим с речью.

— Да, помилуйте, о чем же я здесь могу говорить? — удивилась я.

— А о чем хотите. Все эти люди пришли послушать вас. Вот вам микрофон, расскажите что-нибудь о вашей великой стране. И что у вас знают об Индии.

И я выступила в этом храме, рассказала о нашей жизни, о системе образования и многом другом, что остро интересует индийцев. Слушали внимательно и задали потом много вопросов, выступали с ответными речами. После этого был концерт. Прямо тут же в храме. Исполняли на разных музыкальных инструментах классические мелодии, пели молитвенные гимны — бхаджаны.

И это не единичный случай. Храмовые праздники и церемонии, на которые собираются толпы народа, постоянно используются общественными деятелями или организациями для выступлений — это давняя традиция.

Как-то я купила на базаре литографии, изображающие богов и героев разных мифов. Лежали они у меня на столе. И вот однажды в комнату набилось множество хозяйских и соседских детей. Они мгновенно расхватили эти картинки и стали их рассматривать. Я слышала, как они тихонько бормотали имена всех персонажей, изображенных на картинках, споря о том, кто лучше и полнее произносит не только все имена, но и титулы. Они без запинки разъяснили мне содержание всех литографий.

Национальная культура сохраняется в недрах семьи. Как родители воспитывают детей, так и проявляет себя весь народ.

Взять, например, то особое отношение к животным, которое предпринимают все религии Индии.

В Индии вы нигде не почувствуете того, что животные имеют какие-то другие виды на жительство, чем люди. Раз и навсегда им выдана лицензия на право существования рядом с людьми. И не только животным, но и птицам и даже насекомым. Убить или не убить муху или муравья — это вырастает для индийца в нравственную проблему, или даже не так — не вырастает в проблему, а просто не существует как проблема. Существует один всем известный ответ — не убивать. Если проблема и была, то она давно разрешена древними мудрецами, и готовый рецепт поведения выдан людям на тысячелетия вперед. Не убивать! Жизнь священна во всех ее проявлениях. Слово «ахимса» значит «неубийство». Доктрина ахимсы господствует во всех индийских философиях. Есть к ней только одна оговорка, внесенная мудростью жизненной практики, — «без нужды». Не убивай без нужды.

Под этой нуждой понимаются две главные вещи — пища и жертва богам. В этом вопросе нравственная проблема нашла два разрешения: одно — не убивай ни ради пищи, ни ради жертвы богам, а другое — убивай только ради пищи и жертвы. Сторонников первого решения очень много, а в древности было и еще больше, — это буддисты, джайны, и вегетарианцы разных толков в лоне индуизма. Но сторонниками второго решения являются почти все простые люди Индии, которые верят в любовь богини-матери к живой крови и плоти. Они приносят и приводят десятки и сотни тысяч петухов и козлят на заклание у подножий ее алтарей, особенно в дни посвященных ей праздников.

Вопрос о пище частично решается в ходе этих же церемоний, так как мясо обезглавленных животных в тот же день будет сварено или изжарено и съедено.

В другие дни режут мелкий скот и птиц уже без религиозных побуждений, а просто для еды. Но не так уж много, потому что это могут позволить себе только люди со средствами.

При этом каждый, кто ест, например, «кари» из баранины или курицы, тут же осторожно снимет муравья со стола на пол, постараясь не повредить его. И вот в этом уже Индия. Животно-насекомо-птичий мир живет здесь своей полнокровной жизнью, рядом с людьми и вокруг людей, не испытывая перед ними страха. И в целом это все же очень украшает жизнь.

За храмом богини Кали на берегу Джамны стоит храм бога Шивы, недалеко от него храм бога-обезьяны Ханумана, рядом еще храм и еще, и еще. Вблизи них и вокруг них — лачуги, лачуги, лачуги. Это районы бедняков — прихожан этих храмов. Здесь живут дорожные рабочие, делийские мусорщики, стиральщики. Здесь же и жилища служителей шмашана — места сожжения мертвых. Сам шмашан расположен тут же, ниже по течению Джамны.

Рис. 3. Жрец у храма бога-обезьяны Ханумана

На этом печальном месте стоит много невысоких каменных платформ. Некоторые из них под каменными же крышами, опирающимися на четыре столба, некоторые открыты небу. На каждой из платформ — куча золы. И то, что эти кучи не круглой, а удлиненной формы, и то, что в дотлевающих углях можно увидеть белые, рассыпающиеся кости, говорит о скорбном назначении этих платформ.

Умершего, обернутого пеленой и привязанного к носилкам, вносят на плечах в ворота шмашана, оттуда направляются к реке, окунают тело прямо на носилках в воду — последнее омовение, а потом отвязывают, снимают верхнюю пелену (ее заберут себе служители шмашана) и перекладывают на длинные поленья на одной из платформ. Отбрасывают с лица край савана, кладут к губам кусочек дерева, смочен-

ный в воде, снова закрывают лицо, присыпают тело землей и воздвигают над ним высокое сооружение из толстых сухих дров, похожее на двускатную крышу. Обкладывают эту крышу сухими щепками и соломой и дают в руки «главному плакальщику» палку с горящим пучком соломы на конце.

И вот этот человек — обычно самый близкий по мужской линии родственник покойного — должен обойти костер и своей рукой поджечь его со всех сторон.

А когда завершится сожжение, родственники соберут в зоне несгоревшие кости, зубы, остатки ногтей и отвезут это все к Гангу — чаще всего в Хардвар, городок, близкий к его истокам, и там с помощью брахмана своей семьи бросят эти останки в воду. А затем в определенные дни будут справлять церемонии, предписываемые традициями культа предков, древнейшего из культов.

Мне не раз приходилось присутствовать на шраддхах — поминальных церемониях — и наблюдать, как легко индийцы вызывают в себе ощущение реального общения с душами усопших. Совершая множество мелких обрядов, кладя для душ предков на домашний алтарь кусочки плодов, цветы и ароматные вещества, читая молитвы, подобные одностороннему разговору с ушедшими навсегда, вовлекая детей в эти обряды, люди входят в круг иллюзорного контакта с теми, кого больше нет, с такой простотой, как будто этот круг вполне реален.

У каждой индусской семьи, кроме низкокастовых бедняков, есть свой священнослужитель-брахман, хранящий генеалогические списки, а вме-

сте с ними и разные семейные предания об ушедших навсегда. От такого брахмана каждый член семьи еще с детства узнает о жизни и добродетелях всех родственников по восходящей линии, иногда до десятого колена, а если семья знатна, то и на много столетий назад. Предки этого брахмана служили домашними жрецами предков той семьи, с которой он теперь связан, а его дети и внуки будут выполнять ту же функцию для детей и внуков этой семьи. Поэтому уважение к домашнему жрецу и привязанность к нему очень велики. Он — гуру, духовный учитель, наставник, хранитель семейных традиций, посредник в общении с богами и душами предков, свершитель всех обрядов и церемоний. Без него практически немыслима жизнь индусской семьи. И вот он-то и является главным лицом, поддерживающим в своих клиентах с детства и до старости мысль о том, что умершие не умерли, и что надо всю жизнь служить их вечным душам, помогая им пребывать в блаженстве.

Кроме культа предков, существует еще вера в переселение душ. Цикл возрождений, возвратов на землю, практически бесконечен. Эти возвраты могут быть карой и могут быть наградой. Если вы своими делами заслужите наказания в будущей жизни, вы будете возрождены в виде осла, собаки, червя или еще чего-нибудь более низкого, и будете владеть жалкое существование во искупление своих грехов. Если же ваша жизнь праведна, вы сможете вернуться в облике еще более праведного человека и даже брахмана — «высшего среди живых существ».

Так сказано в священных книгах. В это верят. А значит — к чему бояться смерти, ведь она не навек?

Что же касается примирения со смертью, то эта цель в значительной мере достигается. Хотя в идеале индийских философий должна быть достигнута другая цель — навсегда избавиться от перерождений, добиться того, чтобы душа стала совершенной и навеки слилась с мировым духом — с Брахманом, который един, неделим, вечен, спокоен и незыблем и служит началом всех начал, основой всех основ, ядром всего сущего. Но считается, что это слияние требует такого сложного самоусовершенствования, такой неимоверно трудной тренировки духа, такого подвижничества, что мало кто из смертных к нему способен. Поэтому такой путь предоставляется обычно избранным душам. Простые же люди стараются жить так, чтобы возродиться в виде какого-нибудь хорошего существа и, умирая, верят в то, что вернутся. Их близких успокаивает та же мысль.

* * *

Выше Дели по течению Джамны стоит Матхура — город-сказка, город-легенда, город, насыщенный преданиями до такой степени, что кажется, будто их слова, материализовавшись, образовали стены его домов и храмов.

Матхура, город Кришны — самого популярного из всех индийских богов. Кришны — бога, Кришны — возлюбленного богинь и смертных женщин, Кришны — Леля, звуком своей флейты сзывавшего пастушек на пляски и игры под луной, Кришны — мудрого правителя, вошедшего в «Махабхарату» в качестве одного из главных ее персонажей. Неисчислимы предания, которые народная традиция связывает с именем Кришны, и до сих пор сильна и повсеместна народная любовь к этому многогранному, многоликому, противоречивому и, может быть, именно из-за этого такому привлекательному и по-человечески разнохарактерному божеству.

Слово «кришна» (или крушна) значит «черный». Итак — «черный» бог? Мог ли он появиться в Индии в эпоху нашествия арьев, светложих кочевников прикаспийских и среднеазиатских степей? Видимо, нет. Но, судя по многим источникам древнеиндийской литературы, арьи в

Индии знали Кришну и поклонялись ему. И буквально насытили свой эпос описаниями его подвигов.

Очевидно, они встретились в этой стране с сильным и распространенным культом некоего бога, которого местное население сотворило темнокожим по своему образу и подобию. Мы не знаем его давнего исконного имени, мы знаем, что он был известен в пантеоне арьев главным образом под именем Кришны, а кроме того, — еще под тысячей имен.

А дело, если судить по преданиям, обстояло, возможно, так. Некий арийский правитель, по имени Канса, воцарился в области современной Матхуры на реке Джамне. Воцарился в окружении местных народов и, пытаясь замирить их, решил заключить династический брак, отдав свою сестру, по имени Деваки, за одного из местных князьков. И забыл (или не знал?) о том, что у этих местных народов действовал обычай, некогда порожденный матриархальным обществом, обычай, по которому имущество и общественное положение мужчины наследовал не его сын, а сын его сестры. А возможно, что и знал, да решил своевременно убивать детей от этого брака, чтобы дело не дошло до захвата его трона одним из них.

Согласно легенде, Кансе было предсказано, что его ожидает опасность со стороны сына его сестры. И тогда прекрасная Деваки была заключена в темницу, а детей ее безжалостно лишали жизни. Но когда родился Кришна — избранник богов, жестокие стражи были охвачены сном, и отец мальчика беспрепятственно вынес его из темницы. Когда он пришел на берег Джамны, воды реки расступились, чтобы пропустить его на другую сторону, и он унес сына к пастухам и отдал им на воспитание.

И вот с этого момента вокруг имени Кришны сплетается такая сеть мифов, притч, преданий и поверий, что и одну сотую их долю пересказать невозможно.

Кришну часто называют богом женщин. И это верно. Все рассказы и песни о его детстве, все изображения сцен из его детства, а также фигурки Кришны в виде маленького голого ребеночка-ползунка вызывают в сердцах индийских женщин прилив умиления и материнской любви. В доме каждой индусской семьи на домашнем алтаре вы найдете эти фигурки из бронзы или меди. Они бывают совсем маленькие, и их можно купить за бесценок на базаре, а бывают и большие, прекрасно выполненные и украшенные поддельными, а иногда и настоящими драгоценностями, и тогда их могут приобрести только очень богатые люди.

Помню, как я долго стояла на базарной улице Матхуры у одной из бесчисленных лавок, где торговали изображениями Кришны, и очень жалела о том, что не взяла с собой достаточно денег, чтобы приобрести такую фигурку. Сделанный из меди, он сиял как солнце, этот мальчик-ползунок. Он упирался в землю одной рукой и одним коленом, а другую ножку уже ставил на стопу, как бы стремясь встать прямо. Его голову украшал обруч с тонко вырезанным из меди павлиньим пером — отличительным знаком Кришны. И все краски на этом пере были воспроизведены искусно подобранными драгоценными камнями. Такие же богатые яркие ожерелья охватывали его шею и ниспадали на грудь. Толстошее детское личико хранило плутовское выражение, и все это очаровательное медное существо действительно заслуживало того, чтобы приобрести его любой ценой и любоваться мастерством, с каким оно было сделано.

Помню еще, как в одном доме молодая хозяйка показывала мне свою коллекцию декоративных фигурок и свой домашний алтарь. А потом открыла дверцу маленького стенового шкафчика, и там я увидела игрушечный столик с едой на крохотных тарелках, а возле него кроватку, в которой на вышитой подушке и под вышитым покрывалом покоил-

ся маленький бронзовый Кришна. Она достала его из шкафчика, нежно покачала на руках и заботливо уложила опять в постель.

Религия ли это? Или потребность выражать себя при посредстве этих изображений?

В бесчисленных рассказах о любовных похождениях юного Кришны не скрыта ли вечная жажда женщины говорить о любви? В условиях индийской семьи о любви не поговоришь ни до брака, ни, тем более, после замужества. И возник образ юного бога, возлюбленного каждой женщины, властно призывающего ее страстной мелодией своей флейты и безотказно стремящегося на зов ее любви. Возникли рассказы о том, как он похищал одежду у купающихся пастушек, как он любил их под колдовским сиянием луны, как он заключал свои многочисленные браки и вместе с тем был верным возлюбленным прекрасной Радхи, нежной пастушки, к которой стремился неустанно. Возникла особая ветвь литературы, известная под названием религиозно-эротической. В ее произведениях, авторами которых часто были женщины, воспевается неутомимая страсть Радхи и Кришны как никогда не насыщаемое стремление человеческой души к божеству.

Во всех материалах — в камне и дереве, в роге и кости, в металле и глине — бесконечное множество раз повторяют ремесленники Индии образ бога-флейтиста, стоящего с непринужденно скрещенными ногами, с флейтой у губ и с обязательным павлиньим пером на головном уборе. Его вышивают, ткut и рисуют на тканях, его образ лег в основу широкого направления миниатюрной живописи, его изображают на стенах домов, воплощают во всех видах народного театра.

В Матхуре — центре кришнаизма — и в близлежащем городке Бриндабане ежедневно идут в течение многих столетий (а многие индийцы говорили мне, что и тысячелетий) религиозно-мистерийные представления — раслилы или кришналилы. Мне не удалось выяснить, сколько именно трупп играют здесь эти лилы, но, видимо, довольно много, потому что каждый день даются представления — то на площади, то у храма, а то и во дворе дома какого-нибудь богатого человека, который может оплатить выступление труппы.

В составе этих трупп только мальчики до 15—16 лет. Они исполняют и женские и мужские роли. Каждая труппа выступает в сопровождении своих взрослых музыкантов и певцов. Певцы распевают и речитативом излагают текст, а мальчики исполняют пантомиму.

Одевание, массаж и наложение грима начинаются засветло, задолго до выступления. С приближением темноты артисты настраивают себя, как скрипки, на религиозно-театральное вдохновение, на экстатическое состояние, и, когда спускается вечерний мрак, они появляются при свете ярких ламп во дворе, убранном гирляндами цветов, уже внутренне воплотившись в образы кришнаитских мифов.

Не зная всех тонкостей этого процесса, я попросила мальчика, которому предстояло изображать Кришну, сыграть при свете закатного солнца какой-нибудь этюд из предстоящей лилы, чтобы я могла отснять фильм. Он отказался, объяснив мне очень серьезно и даже строго: «Я не могу, я еще не Кришна. Не просите меня, пожалуйста». И пришлось мне снимать лилу при лампах, что придавало фильму настроение затаенности и мистерийности, т. е. того, чем в сущности и было полно представление. При свете дня этого, вероятно, не получилось бы.

После наступления 15—16 лет мальчики этих трупп становятся музыкантами или гримерами для таких же трупп, или начинают заниматься из изготовлением фигурок Кришны на продажу.

Слово «Бриндабан» значит «густой лес», но густого леса там сейчас нет. Есть редкий прозрачный лес вдоль дороги, в котором бродят павлины, птицы Кришны, великолепные ярко-синие пятна на блекло-желтом фоне мелкой сухой травы. В Бриндабане, как и в Матхуре, хра-

мы, храмы, храмы. В один из них — Золотой — европейцев не пускают, и нам неизвестно, как он выглядит внутри, в других — то меньших, то больших — нарядные статуи Кришны и Радхи, а на стенах пучки павлиньих перьев.

В Бриндабане есть прославленный сад Кришны, воспетый во всей кришнаитской литературе. Он, вопреки моим ожиданиям, совсем небольшой и густо зарос колючими путаными кустами. Так и кажется, что под ними должно быть много змей. Сад обнесен высокой каменной стеной.

Многие верят, что Кришна приходит сюда каждую ночь, чтобы встречаться с пастушками. Рассказывали, что, если кто-нибудь, не верящий в это, останется на ночь в саду, его утром обязательно найдут мертвым. И якобы так недавно и случилось с одним студентом.

В саду у самого входа растет невысокое дерево. На нем небольшая вмятина — говорят, что это след ладошки Кришны-мальчика. Люди приходят к этому дереву, молитвенно кланяются ему, обходят его вокруг, держась к нему правым плечом, и уходят, оставив возле него денежную лепту.

На стенах храмов и храмиков можно видеть роспись — всевозможные сценки из жизни Кришны. В реке плавают множество черепах. Они зеленовато-серые, с длинными лапами. Плавают, тычутся носами в мокрые ступени берега, просят еды.

Паломники безотказно кормят их — это заслуга перед Кришной. И возле храмов, и в самих храмах, и на галереях ходят и лежат коровы — стадо бога-пастуха.

А во время праздников, связанных с Кришной, — в день его рождения и в веселые дни Холи — все улицы Матхуры заполняют такие густые толпы людей, что пройти трудно. Богато украшенные волю везут повозки, на которых укреплены огромные щиты с картинами, повествующими о подвигах и подвигах юного бога-героя, проходят факельные шествия садху — полуобнаженных или почти обнаженных отшельников с раскрашенными лицами и с высокими пучками волос на голове, в лавочках все ночи напролет торгуют изображениями Кришны, и повсюду играют лилы — все труппы актеров в эти дни нарасхват.

Особенно ярко протекает Холи в деревне Варсаве (или Варсове) недалеко от Матхуры и Бриндабана. Это — место рождения Радхи, и здесь происходят настоящие мистериальные игрища, воспроизводящие в очень наглядных символах древние обряды культа плодородия. В их число входит и широко распространенный обычай осыпания всех присутствующих цветными порошками или поливание подкрашенной водой.

От тюрьмы, в которой, по преданию, родился Кришна, сохранился только фундамент, на котором уже несколько веков возвышается мечеть. Сотрудники Матхурского музея сказали, что по соображениям этики нельзя производить раскопки на этом месте, хотя каждый индийский археолог страстно мечтает об этом.

Рис. 4. Нищий, собирающий милостыню во имя бога Кришны

Матхура — это такое средоточие древности, такое напластование столетий, что там сама почва состоит из обломков и остатков разных памятников. Говорят, что во время муссонов дожди постоянно вымывают из земли то старые терракотовые статуэтки, то осколки или головки каких-то каменных фигурок. Значительное количество этих находок попадает на базары и скупается туристами, а некоторые поступают в музеи, в том числе в Матхурский.

Рис. 5. Бог маратхов Кхандоба и его жена Рукмини. Штат Махараштра

Направляясь в этот музей, я ожидала, что увижу большое здание, вроде нашего Эрмитажа, доверху наполненное всеми своими прославленными коллекциями. И была удивлена, когда увидела одноэтажный дом с закругляющимися крыльями, возле которого в саду играла небольшая стайка детей, а внутри почти никого не было. Но коллекции были. И меня охватило чувство отсутствия времени, неправдоподобности нашего трехмерного мира, когда я ходила по этой экспозиции и встречалась глазами со всеми статуями, которые до малейшей складки на одежде были знакомы мне, как и каждому индологу, по книгам и фотографиям. Так знакомы, словно я и в жизни знала и этих богов, и этих полубогов и героев; которые воплотились здесь в камень и существуют в таком застывшем обличье уже много-много веков.

Сотрудники музея сами как бы несут на себе печать истории. Они очень много знают и охотно и интересно рассказывают о культе Кришны, о всемирном значении коллекций их музея, о месте их города в индийской культуре и о той научной работе, которую ведут ученые Матхуры, исследуя прошлое своей страны.

Матхура — один из стыков арийской и доарийской культур, один из городов, где родилась цивилизация Индии, — не может не привлекать каждого, кто хоть немного интересуется историей этой страны и ее религиями. И особенно — индуизмом, сохранившим в своих обрядах и церемониях следы такого далекого прошлого страны, которые не запечатлелись ни в памятниках материальной культуры, ни в литературе или искусстве.